

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-467-481>

EDN: UQMIWA

Научная статья / Research Article

Народная революция как религиозно-нравственный переворот: влияние философского учения Л.Н. Толстого на художественное сознание А.А. Блока

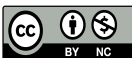
И.Ю. Матвеева

Российский государственный институт сценических искусств,
Российская Федерация, 191028, г. Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 33–35
 inga.matveeva.spb@mail.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается трансформация художественного мировоззрения А.А. Блока от эстетики символизма и «чистого искусства» к принятию народной правды и пониманию необходимости выражать чаяния народа, явно проявившихся в революционных событиях начала XX в. Показано, что это произошло во многом под влиянием поздних философских произведений Л.Н. Толстого. В исследовании доказывается, что ключевые образы творчества Блока революционного периода восходят к поздним художественным произведениям Толстого, прежде всего к роману «Воскресенье». Толстой в последнем романе XIX в. обнажил несостоятельность существующего уклада жизни, решительно разрушил иллюзию возможности справедливого устройства общества вне божественного закона сострадательной любви. При этом Толстой признавал необходимость радикального изменения общества, но понимал это изменение не как политический акт, не как социальную трансформацию, но как глубокий религиозно-нравственный переворот, меняющий весь уклад народной жизни. Вслед за Толстым Блок считает, что этот переворот полностью аналогичен тому преобразованию жизни, который произошел в эпоху рождения христианства, был вызван приходом Иисуса Христа. Именно поэтому образ Христа и размышления об этом образе становятся важными для творчества Блока революционной эпохи. Новый Христос, о котором размышляет Блок, должен стать инициатором, «вождем» религиозного переворота, но его движущей силой может быть только народ. Эта идея была выражена в поэме «Двенадцать», в финале которой Иисус Христос идет во главе отряда красногвардейцев. В творчестве Блока после 1905 года камерность и интимность его художественного пространства окончательно преодолеваются, лирический герой открывает для себя широкий мир, полный драматизма и противоречий. Изображение страдающего народа, идущего по своему голгофскому пути и готового к революции, становится центральным в творчестве поэта, и оно, безусловно, навеяно образами, характерными для позднего творчества Толстого.

Ключевые слова: религиозно-философское учение Л.Н. Толстого, образ народа в творчестве А.А. Блока, идея революции, образ Христа

© Матвеева И.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков» (<https://rscf.ru/project/21-18-00153>), Санкт-Петербургский государственный университет.

История статьи:

Статья поступила 04.12.2023

Статья принята к публикации 31.01.2024

Для цитирования: Матвеева И.Ю. Народная революция как религиозно-нравственный переворот: влияние философского учения Л.Н. Толстого на художественное сознание А.А. Блока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 2. С. 467–481. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-467-481>

The People's Revolution as a Religious and Moral Upheaval: the Influence of the Philosophical Teachings of L.N. Tolstoy on the Artistic Consciousness of A.A. Blok

Inga Yu. Matveeva

Russian State Institute of Performing Arts,
33-35 Mokhovaya St., 191028, Saint Petersburg, Russian Federation
inga.matveeva.spb@mail.ru

Abstract. The research examines the transformation of the artistic worldview of A.A. Blok from the aesthetics of symbolism and “pure art” to the acceptance of people’s truth and understanding of the need to express the aspirations of the people, clearly manifested in the revolutionary events of the early 20th century. It is shown that this happened largely under the influence of the late philosophical works of L.N. Tolstoy. The research proves that the key images of Blok’s work during the revolutionary period go back to Tolstoy’s late literary works, primarily to the novel “Resurrection”. Tolstoy, in his last novel of the 19th century, exposed the inconsistency of the existing way of life and decisively destroyed the illusion of the possibility of a just structure of society outside the divine law of compassionate love. At the same time, Tolstoy recognized the need for a radical change in society, but understood this change not as a political act, not as a social transformation, but as a deep religious and moral upheaval that changed the entire way of life of the people. Following Tolstoy, Blok believes that this upheaval is completely analogous to the transformation of life that took place during the birth of Christianity and was caused by the advent of Jesus Christ. That is why the image of Christ and reflections on this image become important for Blok’s work of the revolutionary era. The New Christ, about whom Blok is thinking, must become the initiator, the “leader” of a religious upheaval, but only the people can be its driving force. This idea was expressed in the poem “The Twelve,” in the finale of which Jesus Christ walks at the head of a detachment of Red Army soldiers. In Blok’s work after 1905, the chamber and intimacy of his artistic space are finally overcome, the lyrical hero discovers a wide world full of drama and contradictions. The image of a suffering people walking along their Calvary path and ready for revolution becomes central to the poet’s work, and it is certainly inspired by images characteristic of Tolstoy’s late work.

Keywords: religious and philosophical teaching of L.N. Tolstoy, the image of the people in the works of A.A. Blok, the idea of revolution, the image of Christ

Funding and Acknowledgement of Sources. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in the philosophy and culture of the 19th–21st centuries” (<https://rscf.ru/project/21-18-00153>), St. Petersburg State University.

Article history:

The article was submitted on 04.12.2023

The article was accepted on 31.01.2024

For citation: Matveeva IYu. The People's Revolution as a Religious and Moral Upheaval: the Influence of the Philosophical Teachings of L.N. Tolstoy on the Artistic Consciousness of A.A. Blok. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(2):467–481. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-467-481>

Влияние поздних философских воззрений Толстого на Блока: от символизма к служению народу

Говоря о творческой эволюции А. Блока, исследователи все чаще отмечают влияние на поэта идей и образов позднего творчества Л.Н. Толстого. Эволюция Блока осмысливается как непрерывное движение от соловьевской мистики к поэзии «горестной земли», как преодоление замкнутости мира индивидуальных переживаний и бесконечное расширение поэтического зренья. В рамках такого подхода З.Г. Минц объясняет создание Блоком полной революционных предчувствий поэмы «Возмездие» и народной, революционной поэмы «Двенадцать» как переход от символизма к реалистическому искусству и видит здесь влияние творчества Толстого: «Блок, поэт глубоких противоречий, постоянных исканий, шёл <...> по (так и не завершённому, не пройденному до конца!) пути к реализму. На этом пути он не мог не встретить Толстого — и встретил его» [1. С. 232] В современных исследованиях, посвященных соотношению творческих поисков Блока с мировоззрением Толстого, воспроизводится та же идея: например, В.А. Сарычев понимает логику развития Блока как выход из «кризиса символизма» и «приобщение к народной душе» [2. С. 474], что сопровождается повышенным интересом поэта к творчеству Толстого.

Важно отметить, что обращение Блока к творчеству и к самой фигуре Толстого связано с вниманием не только и не столько к собственно художественным достижениям писателя, сколько к его философским исканиям. Точкой отсчета интереса к философии Толстого можно считать знакомство Блока в 1902 году с книгой Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Начало века было отмечено пристальным вниманием к философии Толстого и Достоевского, начинающаяся переломная эпоха требовала осмысления, и прозрения великих русских писателей оказались весьма актуальными. Рождающаяся в это время философская ориентация Блока должна была преодолеть

существенное сопротивление среды: изящная «тургеневская» атмосфера дома Бекетовых, в которой вырос Блок и во многом благодаря которой его связи с литературой можно назвать органическими, отторгала общественно-социальную публицистику Достоевского, которого в семье именовали «обскурантом». В то же время Е.Г. Бекетова, бабушка поэта, «ненавидела... нравственные проповеди Толстого» [3. С. 10].

Познакомившись с Мережковским и З.Н. Гиппиус 26 марта 1902 г., Блок сразу же получил рукопись рецензии А. Белого на книгу Мережковского и сделал в дневнике выписки из нее. Что характерно, Блок оценивает критическую статью А. Белого как размышление о Боге и божественном существовании: «Нет ли здесь у Бугаева некоторого сомнения в существовании „его“? Если есть — ужасно, ибо ведь выйдет уже не „поверженный“, а „отрицаемый“ бог!?» [3. С. 43]. Рассказывая в письме к отцу о знакомстве с Мережковскими, Блок констатирует, что они интересуют его «с точек зрения религии и эстетики» [4. С. 75]. Получается, что религиозные поиски петербургских мистиков существенно повлияли на Блока, подтолкнув к изменению взгляда на художественное творчество, в дневнике от 2 апреля поэт размышлял о том, что приходит к отрицанию чистоты искусства, его необходимому превращению в религию [3. С. 44–45]. Таким образом, внимательное отношение к философской стороне произведений Достоевского и Толстого ведет Блока к пониманию творчества как религиозного служения. Именно здесь находится точка отсчета для его наиболее значительных «идейных» произведений поздней поры — поэм «Возмездие» и «Двенадцать».

Представления о нераздельности искусства и религии будут только укрепляться в сознании Блока. Характерна его запись в дневнике от 21 ноября 1911 года после посещения «прекрасной» лекции Вл.В. Гиппиуса, в которой поэт отметит близкие ему суждения: «От Феодосия Печерского до Толстого и Достоевского главная тема русской литературы — религиозная <...>. Суть лекции — проповеднический призыв не только к „религиозному ощущению“, но и к „религиозному сознанию“» [3. С. 95].

Важно отметить, что II том книги Мережковского, посвященный религиозным представлениям писателей, не вызвал сочувственного отношения у Блока, по этому поводу в письме к А. Белому от 1 августа 1903 г. он писал, что, перечитав «Войну и мир» Толстого и ранние произведения Достоевского, «отрезал себя от II тома» [5. С. 90]. Можно говорить о том, что в это время в сознании Блока формируется особый, самостоятельный подход к философским идеям Достоевского и Толстого.

В связи с 80-летним юбилеем Толстого Блок пишет статью «Солнце над Россией» (1908), в которой говорит о «великой жизненной силе» писателя, которая питает всех современников, без различия верований, идей, профессий. Толстой был для Блока человеком, который своим существованием как будто гарантировал устойчивость мира: само существование гения

в полную катастрофических предчувствий эпоху «радостью своею поит и питает» страну и народ [6. С. 55].

В то время, когда известнейшие русские философы, среди которых были Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др., резко критикуют Толстого и его религиозно-философское учение в многочисленных статьях и книгах, Блок восторженно говорит о Толстом как о гении, выразившем великие и еще не вполне усвоенные истины. В заметке «<О Льве Толстом>» Блок призывает интеллигенцию учиться понимать Толстого именно в юности, пока сознания еще не коснулась «наследственная болезнь призрачных „дел“ и праздной иронии», которая ослабляет духовные и телесные силы человека [6. С. 168]. В этой же заметке ясно обозначена важная для Блока этих лет тема разоблачения интеллигенции, которая будет развернута в статьях «О лирике» (1907), «Ирония» (1908), «Народ и интеллигенция» (1908). Поэт явно смещает центр своего внимания с интеллигенции и ее индивидуалистического мировоззрения на народ и его интуитивное знание важной и, может быть, только угадываемой истины. В конце концов оказывается, что эта истина связана с пониманием необходимости радикальной трансформации всего уклада общественной жизни. Такая трансформация может иметь форму революции, но ее задача никак не ограничивается простым изменением политической системы. Блок видит в глубоких чаяниях народа потребность радикального изменения жизни, чего-то подобного религиозному и нравственному перевороту, совершенному Иисусом Христом. И Толстой как подлинно народный художник обнажает эти народные чаяния [7. С. 319–331].

Обратим внимание на то, что Блок, называя имя Толстого, неизменно подчеркивает его близость к народу, к народной жизни и народной правде — эта часть проповеди Толстого была для поэта особенно существенна. В записных книжках и письмах 1907–1908 гг. Блок неоднократно говорит об этом; в письме к матери от 5–6 ноября 1908 г., обнажая ту «пропасть», которая разделяет интеллигенцию и народ, ощущая враждебность и непримиримость их целей и ценностей, поэт упоминает имя Толстого: «Чем ближе человек к народу (Менделеев, Горький, Толстой), тем яростней он ненавидит интеллигенцию» [8. С. 258–259].

В Записной книжке от 22 декабря 1908 года, в связи с обсуждением доклада «Россия и интеллигенция», Блок вновь жестко противопоставит народ и интеллигенцию. Причем для Блока народ и интеллигенция — это не столько социальные силы, сколько силы, противопоставленные по отношению к культуре. В движении истории эти силы всегда будут противостоять друг другу: в эпоху революционных изменений интеллигенция уступает место народу, поскольку, за исключением немногих способных к изменению представителей, она связана с прошлой культурной традицией, «обречена на культуру», не может выйти за рамки устоявшихся представлений. Народ же, «не связанный культурой», и становится движущей силой исторических изменений. Блок возражает оппонентам, считающим, что «черта» между интеллигенцией

и народом стерта: «Тем, кто говорит мне: *нет* черты, нет больше ни интеллигенции, ни народа, — я хочу сказать: вы не признаетесь в этом только потому, что это *слишком страшно* <...>. Тем, кто предлагает лечить болезни, кто строит мосты от интеллигенции к народу (хотя бы религиозные), я хочу сказать словами Толстого: “Не в блуждающей почке тут дело, а в жизни и смерти” (“Смерть Ивана Ильича”))» [9. С. 125–126]. По сути, мы видим радикальное отречение Блока от позиции художника-индивидуалиста, погруженного в свой сложный внутренний мир и понятного только таким же, как он, интеллектуалом. Он хочет быть глашатаем народных устремлений и народной истины, каким, по его мнению, стал Толстой.

Уход и смерть Толстого в 1910 г. будут осмыслены Блоком как знамение конца эпохи. В Предисловии к поэме «Возмездие», написанном в 1919 г., Блок определял финал грандиозной эпохи тремя смертями: В. Комиссаржевской, М. Врубеля и Толстого. В более ранней статье «О драме» Блок видел в Толстом «единственного гения, живущего теперь в Европе» [10. С. 86]. Предельно высокая оценка поэтом художественного гения яснополянского старца сохранилось благодаря воспоминаниям А.А. Ахматовой: «В тот единственный раз, когда я была у Блока, я между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лифшиц жалуется на то, что он, Блок, одним своим существованием мешает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: „Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой!“» [11. С. 95].

Идея религиозно-нравственного переворота в философских взглядах Толстого и осмысление революции Блоком

Еще большее внимание к творчеству и философским идеям Толстого у Блока вызывают события первой русской революции.

В статье «Интеллигенция и революция» Блок соотнесет революцию и природные стихийные силы: «Революция, как грозный вихрь, как снежный буран» [12. С. 12]. Само сопоставление революции и природной стихии, иррациональных сил природы является устойчивым в литературной традиции, в общем виде оно присуще практически всем, кто писал о революции и ее последствиях для России. Однако, если присмотреться внимательнее к размышлениям Блока на эту тему и к характеру художественных образов, возникающих в связи с революционными событиями, можно увидеть, что его идейные поиски созвучны поздним религиозно-философским представлениям Толстого.

В лирике и публицистике Блока революционные события чаще всего художественно выражаются через образ вьюги-метели. В поэтическом цикле «Снежная маска» образ вьюги оформлял тему стихийных страстей и был связан с образом страстной героини. Революционная эпоха с ее поднявшимися иррациональными, стихийными силами также врывается в мир ветром и вьюгой («Ветер, ветер — // На всем божьем свете!» «Ветер веселый // И зол, и рад» [13. С. 7, 9]). В поэме «Двенадцать» ветер становится не просто

эквивалентом революционных событий, он сливается с поднявшимся стихийным народным движением: «Это — ветер с красным флагом // Разыгрался впереди...» [13. С. 19].

Пытаясь понять особенности использования Блоком этих образов, мы должны обратиться к богатой традиции изображения стихийных сил природы, снежной метели в предшествующей русской литературе. Движение через метель сбившихся с пути путников — важный литературный сюжет [14], приобретший символическое значение благодаря лирическим произведениям А.С. Пушкина и его повести «Метель» (1830), а также благодаря «Метели» (1856) Л. Толстого и его же повести «Хозяин и работник» (1895). В поздней повести Толстого метель, ломающая естественные пространственные формы, смещающая все привычные ориентиры, символизирует саму энергию жизни, которая требует нового оформления. Путь героев Толстого через метель выражает необходимость разрушения старых форм жизни, в которых они были замкнуты и которые не позволяли им раскрыть свою подлинную человеческую сущность, и требование к созданию совершенно новых форм, выявляющих жизнь в ее духовном содержании. Повесть Толстого выразила важнейшие мировоззренческие установки писателя, которые он развивал на протяжении 1980–1900-х гг. и которые оказались связанными с идеей великого религиозно-нравственного переворота, необходимого человечеству.

Идея религиозно-нравственного переворота является важным слагаемым русской философии, объединяющим многих значительных мыслителей, от П.Я. Чаадаева до Н.А. Бердяева. Мы находим ее впервые в Восьмом философском письме Чаадаева, где наступающая эпоха определяется как время, «когда и разум, и наука, и даже искусство страстно рвутся навстречу новому нравственному перевороту, как это было и в великую эпоху Спасителя» [15. С. 436]. Через три десятилетия А.И. Герцен будет высказываться в том же ключе, возражая М.А. Бакунину, требовавшему немедленной политической революции: «Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Христианство проповедовалось чистыми и строгими в жизни апостолами и их последователями, аскетами и постниками <...>. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, — апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам» [16. С. 417]. Но именно Толстой выразил идею религиозного переворота наиболее ясно и в прямом сопоставлении с эпохой рождения христианства [17. С. 24—39]. Толстой сформулировал ее в статье 1905 года «Конец века», в которой непосредственно откликнулся на события русско-японской войны и начало революционных событий в России. «Основная причина предстоящего переворота, — пишет Толстой, — как и всех бывших и будущих революций, — религиозная. <...> Еще до христианского учения среди разных народов был выражен и провозглашен высший, общий всему человечеству религиозный закон, состоящий в том, что люди для своего блага должны жить не каждый для себя, а каждый для блага всех, для взаимного служения (буддизм, Исаия, Конфуций,

Лао-Тзе, стоики) <...>. Извращение высшего закона взаимного служения и заповеди непротivления, данной христианством для возможности осуществления этого закона, — в этом основная религиозная причина предстоящего переворота» [18. С. 240–243]. Хотя Толстой не отождествляет указанный нравственный переворот с революцией, он признает, что революция может стать его началом, особенно если она осуществляется всем народом, носит народный характер. Более того, он видит в русской революции 1905 г. начало этого духовного процесса. Нам кажется, что именно эти идеи Толстого воспринял Блок и дал им художественное развитие в своем творчестве, в наиболее полном виде — в поэме «Двенадцать».

Выразительным откликом Блока на революционные события начала XX в. стала статья «Безвременье» (1906), ключевые образы которой связаны с важнейшими мотивами и образами произведений Толстого позднего периода. Во второй части статьи эпоха, в которую вступило человечество, определяется Блоком как эпоха «распахнувшихся на площадь дверей». Показательны характеристики пространства, где теперь, по мысли, Блока разыгрывается главный исторический спектакль. Интимному миру рафинированного интеллигента Блок противопоставляет площадное пространство, грандиозное и полное хаотичных звуков и тревожных красок, это пустынное пространство наполняет «пьяное веселье», «хохот», «красные юбки». Чувство бесприютности возникает от образов «женщин в красном», которые выделяются сквозь ночную вьюгу [10. С. 24]. Образы картины Ф.А. Малявина «Вихрь», созданной в 1905 г. и представленной на выставке «Мира искусства» в 1906 г., подчеркивают необходимый Блоку колорит эпохи. Главный цвет эпохи — красный: «красные флаги», город, «окровавленный зарей», «красное поет на платьях, на щеках, на губах продажных женщин рынка» [10. С. 24].

Безусловно, художественные образы Блока восходят к сложному взаимодействию многих претекстов, однако образы Толстого отчетливо выделяются из большого ряда реминисценций и аллюзий. В статье «Безвременье» главными действующими лицами «ветряной» эпохи становятся «бродяги», «праздные и бездомные шатуны»; буря, метель, вьюга, от которых пытается отгородиться домашний уютный мир, сопровождают путь героев-босяков: «Среди нас появляются бродяги. Праздные и бездомные шатуны встречаются на городских площадях. Можно подумать, что они навсегда оторваны от человечества, обречены на смерть» [10. С. 24]. Обращает на себя внимание, как Блок создает образы этих новых героев: в них подчеркивается обреченность и как будто отрезанность от людей, они «бездомны», их жизнь — в непрестанном и фатальном движении. Здесь и появляются очевидные отсылки к образам Толстого, созданным в романе «Воскресенье».

Массовые сцены, изображающие народное страдание и народное движение, составляют самую запоминающуюся образную линию этого произведения: в этом последнем романе классической русской литературы Толстой, как иронично писали критики, всю Россию отправил по этапу. Опубликованный

в 1899 г., роман Толстого объединил многие темы предшествующей русской литературы, показав их истощенность, и обозначил то новое, что будет определять русскую жизнь в новом столетии.

В Записной книжке 1908 г. Блок так определит значение этого произведения: «Завещание уходящего столетия новому — „Воскресение“ Толстого» [9. С. 114]. Блок, внимательный к символике чисел, понимает как глубоко символическую дату появления романа Толстого в печати — 1899 г., накануне нового века. В записных книжках этого периода поэт несколько раз упоминает роман «Воскресение» рядом с размышлениями о «народности» в литературе [9. С. 114—115]. Лирическим откликом на роман «Воскресение» стало стихотворение «На железной дороге» (1910), воссоздающее в памяти выразительную сцену толстовского романа, когда Катюша Маслова видит в окне проезжающего поезда Нехлюдова: «Лишь раз гусар, рукой небрежною // Облокотясь на бархат алый, // Скользнул по ней улыбкой нежною, // Скользнул — и поезд в даль умчал» [19. С. 178].

Массовые, народные сцены в романе «Воскресение» занимают значительную часть повествования, народная тема осмысливается Толстым через полные драматизма сюжеты и биографии. Герой романа князь Дмитрий Нехлюдов, добиваясь отмены несправедливого приговора суда в отношении Катюши Масловой, совершает своего рода путешествие по острогу, по кабинетам чиновников, а далее отправляется вместе с арестантами в Сибирь: Нехлюдов превращается в тип кающегося дворянина¹, а открытие им мира и Бога совершается в романе через сопричастность страданиям арестантов-разбойников, каторжных и бродяг, с которыми герой сталкивается в суде и тюрьмах.

В процессе работы над романом Толстой трансформировал историю раскаяния и воскресения души главного героя в огромную панораму народного движения, причем в символическом плане романа получается, что весь народ, который представлен через бесчисленные образы «злодеев» и «бродяг», как будто заперт в острог. Образы худых, бледных, с бескровными лицами, оборванцев заполняют страницы романа, множатся, превращаются в бесконечную галерею страдающих, униженных, умирающих от несправедливости и жестокости. Не случайно в романе отдельные фрагменты текста оказываются перенасыщены перечислением персонажей, Толстой многократно прибегает к этому стилистическому приему: «Арестанты — бородатые, бритые, старые, молодые, русские, инородцы, некоторые с бритыми полуголовами, гремя ножными кандалами, наполняли прихожую пылью, шумом шагов, говором и едким запахом пота» [21. С. 106]. Можно привести аналогичный пример из последней части романа: «Все они — молодые, старые, худые, толстые, бледные, красные, черные, усатые, бородатые, безбородые, русские, татары,

¹ М.В. Строганов выделяет «культурный тип» кающегося дворянина, представший наиболее отчетливо в творчестве Толстого, и отмечает продолжение этой линии в самосознании Блока [20. С. 207–215].

евреи — выходили, звеня кандалами и бойко махая рукой, как будто собираясь идти куда-то далеко...» [21. С. 328].

В романе происходит решительное раздвигание, расширение пространственных границ. Наиболее выразительным эпизодом, который стремится превратиться в символ, эмблему всей современной Толстому России, становится картина, в которой арестантов выводят из острога, чтобы отправить по этапу с Сибирь. «Из ряда темных чуланов, запиравшихся снаружи запорами» [21. С. 160], арестанты выходят на улицы, этот образ движения страшных, измученных, оборванных людей ощущается как священное действие — «в этом шествии была мрачная торжественность» [21. С. 332]. Толстой неоднократно повторяет характеристики арестантов: «страшного вида существа», «не люди, а какие-то особенные, страшные существа» [21. С. 330], «отбросы общества» [21. С. 323], «холодные, голодные, праздные, зараженные болезнями, опозоренные, запертые люди показывались, как дикие звери» [21. С. 436].

Толстой подчеркивает, что арестантов отправили по этапу в страшную жару, которая стала причиной падения и смерти нескольких арестантов. Можно подумать, что вся земная действительность оказалась адом, в котором мучаются люди, и нет никакого иного мира, куда можно было бы скрыться отсюда. Но тогда и возникает мысль, что единственным исходом всех этих страданий и мучений является радикальное преображение мира-ада. Это преображение не может быть рационально-закономерным, здесь возможен только мистический путь, связанный с изменением фундаментальных основ жизни, это и есть тот «неизбежный» нравственный переворот, своего рода «мистическая революция», о которой пишет Толстой в своих публицистических статьях (одна из последних статей Толстого, написанная в 1909 г., имеет название «Неизбежный переворот»).

Народ как движущая сила русской революции и ее религиозный смысл

Религиозный смысл происходящих в романе «Воскресение» событий был не столь очевиден, современники писателя видели в них жесткую критику существующего социального зла, однако Толстой обнажает символические смыслы происходящего, например, когда вводит в бытовой разговор символическое число двенадцать: «Что ж это, барин, правда, что двенадцать человек арестантов уморили до смерти?» [21. С. 342]. Характеристики арестантов, возникающие на страницах романа «Воскресение», были восприняты первыми читателями прежде всего как реалистические и даже как натуралистические, однако при многократном, нарочитом повторении эти фрагменты текста обнаруживают свой символический потенциал. Именно в таком ключе их воспримет Блок. В статье «Безвременье» новое время запечатлевается персонажами как будто сошедшими со страниц последнего романа Толстого: это «существа, вышедшие из города», «бродяги, нищие духом», «сырые, обреченные, изгнанные», «одежды их в лохмотьях, а лица

обезображены голодной тоской» [10. С. 25]. Поднявшийся и идущий на какое-то страшное, но и героическое деяние народ поэтически осмысливается Блоком как пробившаяся из-под земли сила. В стихотворении «Я ухо приложил к земле» (1907) из поэтического цикла «Ямбы» читаем: «Ты роешься, подземный крот! // Я слышу трудный, хриплый голос... // Не медли. Помни: слабый колос // Под их секирой упадет... // Как зерна, злую землю рой // И выходи на свет» [19. С. 59].

Мир «страшных разбойников» в «Воскресении» не раз противопоставлен образам «сытых» обывателей. Нехлюдов мысленно сравнивает «бедность и измученность» деревенских людей с картинами городской «сытости» лавочников [21. С. 233–234]. Такое противопоставление оказывается сущностным и в художественном мире Блока, причем с течением времени оно приобретает все более резкий характер. Если в стихотворении «Сытые» (1905) из цикла «Город» поэт лишь фиксирует социальную несправедливость («Пусть доживут свой век привычно — // Нам жаль их сытость разрушать» [22. С. 120]), то в цикле «Ямбы» речь идет о неминувости гибели мира «сытых», «упырей»: «Довольных сытое обличье // Сокройся в темные гроба!» [19. С. 59].

В статье Блока «Безвременье» появляется образ путника-странника, «согнутое вперед очертание человека с палкой и узелком» [10. С. 25]. В романе Толстого главный герой встречает такого старичка-странника в заплатанной одежде с сумкой. «Лохматый старик» привлечет внимание Нехлюдова своим необычным видом и поведением. Старик так объяснит свое предназначение: «Как Христа гнали, так и меня гонят» [21. С. 419]. Этого же странника Нехлюдов позже увидит в остроге, и старик будет разоблачать «антихристово войско» и антихриста, который людей мучает [21. С. 437]. В этом образе символическая, религиозная тема романа становится более отчетливой, Блок вполне осмысленно принимает ее, когда создает в своих текстах всевозможные образы народных страдальцев, напоминающих о Христе.

В романе Толстого возникает устойчивая связь образов страдающих несчастных людей и страданий Христа. Описания в этих случаях настолько детальны, что вызывают у читателя ассоциации с живописной традицией изображения голгофского сюжета. Наиболее наглядным примером здесь является фрагмент, рассказывающий о смерти двух арестантов в госпитале. Первый арестант страшного вида показан лежащим на каменной мостовой, описание явно отсылает к образам разбойников, которых распяли вместе с Христом. Второй представлен совсем иначе, в нем подчеркивается «необыкновенная» красота лица и тела, отмечено, что «это был человек в полном расцвете сил». Портретные черты умирающего арестанта вполне соотносятся с иконографией Христа: «Невысокий крутой лоб с возвышениями над черными, теперь безжизненными глазами был очень красив, так же, как и небольшой с горбинкой нос над тонкими черными усами. Синеющие теперь губы были сложены в улыбку; небольшая бородка только окаймляла нижнюю часть лица, и на бритой стороне черепа было видно небольшое крепкое

и красивое ухо. Выражение лица было и спокойное, и строгое, и доброе. Не говоря уже о том, что по лицу этому видно было, какие возможности духовной жизни были погублены в этом человеке...» [21. С. 339].

Этот фрагмент романа можно соотнести с картиной, изображенной в стихотворении Блока «О смерти» (1907), вошедшем в цикл «Вольные мысли»:

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ... [22. С. 208].

В статье Блока «Безвременье» изгнанники, бродяги названы «блаженными существами». Зрительные их образы не единожды связываются с изображениями распятия: «На сквозняках безлюдных улиц эти бродяги точно распяты у стен» [10. С. 24]. Далее сказано о том, что «ласки вьюги» понятны только «шатунам, распятым у забора» [10. С. 25]. Однако рядом с образами распятия возникает мотив полета, а лохмотья бродяг, развеваемые ветром, напоминают крылья ангелов: «Кажется, эти люди, как призраки, поднимутся вместе с бурей в черную пропасть неба, точно полетят на крыльях» [10. С. 24]. «Вьюга, распевая, несет их. Кружит и взметает крылья лохмотий» [10. С. 25].

Блок изображает сдвинувшуюся, сошедшую с привычного пути эпоху с помощью картин грандиозного трагического движения по широким просторам России бродяг, босняков, разбойников, знакомых всей читающей России по роману Толстого «Воскресение». Русский народ в самом начале трагической революционной эпохи проделывает свой голгофский путь: «Шоссейными путями нищей России идут, ковыляют, тащатся такие же нищие с узлами и палками, неизвестно откуда, неизвестно куда. <...> Это — священное шествие, стройная пляска праздной тысячеокой России, которой уже нечего терять; всю плоть свою она подарила миру и вот, свободно бросив руки на ветер, пустилась в пляс по всему своему бесцельному непридуманному раздолью» [10. С. 26]. Именно бродяги слышат голос эпохи, они выброшены из благополучия, их путь страданий сближается с путем Христа и ведет к какому-то неведомому перевороту, призванному изменить весь старый уклад жизни. Тема страданий народа и его голгофского пути в художественном сознании Блока неразрывно связана с его представлением о революции как этапе, знаменующем начало «новой эры», эпохи истинного христианства, что также роднит мироощущение поэта-символиста с поздними религиозными размышлениями Толстого. В статье «Владимир Соловьев и наши дни» (1920)

Блок снова сопоставит русскую революцию с эпохой рождения христианства. Говоря о том времени, когда жил Иисус Христос, Блок констатирует, что здесь столкнулись два мира — уходящий мир классической культуры и мир молодого варварства, однако будущее было не за ними, а за «третьей силой, которая «называлась христианством» [12. С. 156]. Точно так же и в начинавшейся русской революции за явно действующими политическими силами и их победами и поражениями поэт видит рождение новой реальности, которая окажется для всех участников революционных событий совершенно неожиданной, но именно в ней должна выразиться главная суть переворота, готовившегося в течение десятилетий или даже столетий. Совершенно не случайно осмысление революции 1917 г. приведет Блока к желанию написать пьесу о Христе. набросок замысла этой пьесы в дневнике поэта относится к январю 1918 г. и предшествует записям о работе над поэмой «Двенадцать», в финале которой Христос выходит на сцену истории, возглавляя шествие революционного народа.

Советские исследователи создали простую и понятную модель творческого развития Блока, согласно которой поэт-символист постепенно превратился в главного поэта революции. Эту модель можно признать одновременно и верной, и неверной. Блок, действительно, пришел к необходимости слушать народ и выражать его стремления в своем творчестве. Однако при этом утверждении нельзя понимать революцию только в ее прямолинейной марксистской интерпретации, как социальную и политическую трансформацию, меняющую соотношение классовых сил. Блок увидел в русской революции совсем не это; революция предстала в его сознании как начало грандиозного религиозно-нравственного переворота, подобного тому, который много веков назад провозгласил Христос, — переворота, который должен привести к радикальному изменению жизни человечества. Позже по этому пути осмысления революционных событий пошел Н.А. Бердяев, который дал подробный анализ религиозных истоков и религиозной сущности русской революции [23].

Список литературы

- [1] Минц З.Г. Ал. Блок и Л.Н. Толстой // Ученые записки тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. V. Тарту : Tartu ülikooli kirjastus, 1962. С. 232–278.
- [2] Сарычев В.А. Л. Толстой в творческом сознании А. Блока // Толстовский ежегодник. 2002. Тула, 2003. С. 472–480.
- [3] Блок А.А. Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921 // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1963.
- [4] Блок А.А. Письма А. Блока. Памятники литературного быта. Л. : Academia, 1927.
- [5] Белый А., Блок А. Переписка. 1903–1919 / подгот. текста, предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М. : Прогресс-Плеяда, 2001.
- [6] Блок А.А. Проза (1908–1916) // Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 8. М. : Наука, 2010.
- [7] Evlampiev I.I., Matveeva I.Yu. The debates on the sense of history between F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy and the idea of “spiritual empire” as a form of historical

- development of the mankind // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 3. С. 319–331.
- [8] Блок А.А. Письма. 1898–1921 // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1963.
- [9] Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М. : Художественная литература, 1965.
- [10] Блок А.А. Проза (1903–1907) // Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. М. : Наука, 2003.
- [11] Ахматова А. О Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1980. С. 94–96.
- [12] Блок А.А. Проза. 1918–1921 // Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
- [13] Блок А.А. Стихотворения и поэмы. 1917–1921 // Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. М. : Наука, 1999.
- [14] Нагина К.А. Метельные пространства русской литературы (XIX — начало XX в.). Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011.
- [15] Чааадев П.Я. Философические письма // Полное собр. соч. и избранные письма: в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 1. С. 320–440.
- [16] Герцен А.А. К старому товарищу // Герцен А.И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М. : Художественная литература, 1958. С. 399–418.
- [17] Евлампиев И.И. «Неизбежный нравственный переворот» и идея революции в русской общественно-политической мысли XIX — начала XX века // Соловьевские исследования. 2023. Т. 3. № 79. С. 24–39.
- [18] Толстой Л.Н. Конец века // Полное собр. соч.: в 90 т. Т. 36. М., Л. : Художественная литература, 1936. С. 231–277.
- [19] Блок А.А. Стихотворения (1907–1816) // Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3. Кн. 3. М. : Наука, 1997.
- [20] Строганов М.В. Толстовское начало в позднем Блоке // Александр Блок и мировая культура. Материалы научной конференции. 14–17 марта 2000 года. Великий Новгород, 2000. С. 207–215.
- [21] Толстой Л.Н. Воскресение // Полное собр. соч.: в 90 т. Т. 32. М. : Художественная литература, 1936. С. 1–445.
- [22] Блок А.А. Стихотворения (1904–1908) // Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2. Кн. 2. М. : Наука, 1997.
- [23] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж : YMKA-Press, 1955.

References

- [1] Mints ZG. *Al. Blok and L.N. Tolstoy*. In: *Scientific notes of Tartu State University. Works on Russian and Slavic philology*. 1962. N V. P. 232–278. (In Russian).
- [2] Sarychev VA. L. Tolstoy in the creative consciousness of A. Blok. *Tolstoy Yearbook*. 2002. 2003:472–480. (In Russian).
- [3] Blok AA. *Autobiography. 1915. Diaries. 1901–1921*. In: *Collected works in 8 vol. Vol. 7*. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Fiction; 1963. P. 7–16. (In Russian).
- [4] Blok AA. *Letters from A. Blok. Monuments of literary life*. Leningrad: Academia publ.; 1927. (In Russian).
- [5] Bely A, Blok AA. *Correspondence. 1903–1919*. Moscow: Progress-Pleyada publ.; 2001. (In Russian).
- [6] Blok AA. *Prose (1908–1916)*. In: *Complete works and letters in 20 vol. Vol. 8*. Moscow: Nauka publ.; 2010. P. 53–55. (In Russian).

- [7] Evlampiev II, Matveeva IYu. The debates on the sense of history between F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy and the idea of “spiritual empire” as a form of historical development of the mankind. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2022;38(3):319–331.
- [8] Blok AA. *Letters. 1898–1921*. In: *Collected works in 8 vol. Vol. 8*. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Fiction; 1963. (In Russian).
- [9] Blok AA. *Notebooks. 1901–1920*. Moscow: Fiction publ.; 1965. (In Russian).
- [10] Blok AA. *Prose (1903–1907)*. In: *Complete works and letters in 20 vol. Vol. 7*. Moscow: Nauka publ.; 2003. P. 83–100. (In Russian).
- [11] Akhmatova A. *About Blok*. In: *Alexander Blok in the memoirs of his contemporaries in 2 vol. Vol. 2*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ.; 1980. P. 94–96. (In Russian).
- [12] Blok AA. *Prose. 1918–1921*. In: *Collected works in 8 vol. Vol. 6*. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Fiction publ.; 1962. P. 9–20. (In Russian).
- [13] Blok AA. *Verses and poems. 1917–1921*. In: *Complete works and letters in 20 vol. Vol. 5*. Moscow: Nauka publ.; 1999. P. 7–20. (In Russian).
- [14] Nagina KA. *Blizzard spaces of Russian literature (XIX — early XX century)*. Voronezh: Nauka-Unipress publ.; 2011. (In Russian).
- [15] Chaaadev PYa. *Philosophical letters*. In: *Complete works and selected letters in 2 vol. Moscow: Nauka publ.; 1991. Vol. 1. P. 320–440. (In Russian)*.
- [16] Herzen AI. *To an old comrade*. In: *Collected works in 9 vol. Vol. 8*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ.; 1958. P. 399–418. (In Russian).
- [17] Evlampiev II. “The inevitable moral revolution” and the idea of revolution in Russian socio-political thought of the 19th — early 20th centuries. *Solovyov studies*. 2023;3(79):24–39. (In Russian).
- [18] Tolstoy LN. *End of the century*. In: *Complete works in 90 vol. Vol. 36*. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura publ.; 1936. P. 231–277. (In Russian).
- [19] Blok AA. *Poems (1907–1816)*. In: *Complete works and letters in 20 vol. Vol. 3*. Moscow: Nauka publ.; 1997. P. 176–178. (In Russian).
- [20] Stroganov MV. *Tolstoy’s beginning in the late Blok // Alexander Blok and world culture. Materials of the scientific conference. March 14–17, 2000. Veliky Novgorod; 2000. P. 207–215. (In Russian)*.
- [21] Tolstoy LN. *Resurrection*. In: *Complete works in 90 vol. Vol. 32*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ.; 1936. P. 1–445. (In Russian).
- [22] Blok AA. *Poems (1904–1908)*. In: *Complete works and letters in 20 vol. Vol. 2*. Moscow: Nauka publ.; 1997. P. 120. (In Russian).
- [23] Berdyaev NA. *Origins and meaning of Russian communism*. Paris: YMKA-Press; 1955. (In Russian).

Сведения об авторе:

Матвеева Инга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и искусства, Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург, Россия (e-mail: inga.matveeva.spb@mail.ru). ORCID: 0000-0003-2211-2188. SPIN-код: 2983-9634

About the author:

Matveeva Inga Yu. — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Literature and Art, Russian State Institute of Performing Arts, Saint Petersburg, Russia (e-mail: inga.matveeva.spb@mail.ru). ORCID: 0000-0003-2211-2188. SPIN-код: 2983-9634